

ТРАНСФОРМАЦИЯ МОТИВОВ ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Умышленное преступное посягательство редко осуществляется посредством единичного общественно опасного действия или акта бездействия. Обычно реализация преступного намерения складывается из нескольких, а иногда и многих, тесно взаимосвязанных действий. Такое целенаправленное поведение мы называем преступной деятельностью [4, с. 98].

Мотивация преступной деятельности, как и любой иной, состоит из актуализации личностной потребности, на основе которой возникает мотив — побуждающее к активности состояния психики, целеобразования (целеполагания), планирования, принятия решения к действиям, коррекции поведения с учетом оценки последствий отдельных поведенческих актов [5, с. 205]. Мотив деятельности — «опредмеченная потребность» в каком-либо благе — имеет две стороны: содержательную (основание деятельности, ее личностный смысл) и динамическую (эмоциональные переживания и волевые усилия, непосредственно побуждающие деятельность). На основе мотива возникает общая цель деятельности — предвидимый и желаемый ее результат, который рассматривается как средство или этап реализации мотива. Длительная преступная деятельность рецидивиста чаще всего не преследует какую-либо общую осмысленную цель. Но составляющие ее отдельные преступления по сути целенаправленны. Их цели вытекают из общего мотива противоправного поведения, его личностного смысла.

При анализе внутреннего содержания преступления нельзя смешивать понятия мотива и цели. Если мотив означает *ради чего* субъект действует, какой смысл и значение представляет его деятельность, то цель отвечает на вопрос, *для чего*, для достижения какого ближайшего результата совершаются действия.

Всякое поведение, в том числе и преступная деятельность, направляется, как правило, не одним, а несколькими мотивами. Полимотивность обусловлена разнообразием человеческих свойств и потребностей. К. Маркс и Ф. Энгельс писали: «Вообще бессмысленно предполагать, ...что можно удовлетворить одну какую-нибудь страсть, оторванную от всех остальных, что можно удовлетворить ее, не удовлетворив вместе с тем *себя*, целостного живого индивида» [1, т. 3, с. 252]. Корысть нередко сочетается с честолюбием и корпоративной солидарностью. Почти всегда полимотивны насильственные преступления. Это и жажда власти над своими ближними, и бессмысленная злоба, и многое другое. Как верно отмечает западногерманский психолог Х. Хекгаузен, мотив власти — один из самых распространенных и могущественных в че-

ловческих поступках [9, с. 307—337]. В то же время обнаруживается доминирующий мотив, подчиняющий себе все остальные.

Подчиненные (вторичные) мотивы в отдельных эпизодах преступной деятельности иногда активизируются и могут изменить ее характер.

В преступной мотивации особое место занимает мотив безопасности. Субъект учитывает возможность разоблачения и наказания, что создает состояние психического напряжения и иногда приводит к отказу от преступной деятельности. Преодоление мотива безопасности наиболее часто происходит, когда лицо надеется на безнаказанность. Бывает и так, что преступник заранее соглашается с перспективой наказания. Обычно это — безрассудство, но встречается и трезвый расчет. Характерны в данном отношении откровения анонимного самогонщика, который заявил, что не боится «отсидеть три года»: его «предприятие» принесло ему столько денег, что все потери «окупятся» [10, 1988, № 1].

В процессе преступной деятельности под влиянием меняющейся обстановки к первичным мотивам присоединяются новые, слабеют и отпадают прежние. Мотивационный процесс находится в постоянном движении и изменении. Меняется и соотношение между целью и мотивом деятельности. Из средства удовлетворения мотивообразующей потребности цель может превратиться в самоудовлетворяющее благо. В таких случаях происходит «сдвиг мотива на цель» [6]. В процессе эволюции личности или изменения обстановки прежний мотив преступной деятельности дискредитируется и как бы перемещается на цель действий: то, *для чего* совершались правонарушения, стало тем, *ради чего* все это делалось.

Сдвиг мотива на цель может означать: изменение личностного смысла преступной деятельности; трансформацию отдельного преступного действия в новую преступную деятельность; превращение преступной деятельности в легальную.

Первое из трех изложенных последствий сдвига мотива на цель обусловлено прежде всего изменениями личности в процессе ее противоправной деятельности. Изменяется иерархия потребностей, эгоистический интерес выступает на первый план. Показательна, на наш взгляд, в данном отношении история одного руководителя. Молодой специалист К. был назначен директором автопредприятия. С первых же дней активно включился в дело. А трудностей было немало: остро ощущалась нехватка запасных частей, строительных материалов. По совету «бывалых людей» К. закупил яблоки и отправил в северные районы страны два груженных автомобиля. На вырученные деньги приобрел запчасти. Со временем спекулятивная прибыль из способа решения хозяйственных проблем предприятия незаметно для директора стала самостоятельным мотивом-целью. Изменился в связи с этим и личностный смысл сделок: они совершались уже не в целях развития автохозяйства, а ради личной наживы. Явление — довольно распространенное. Судебная практика показала, что путь к прес-

туплению многих осужденных взятчиков и расхитителей начался с правонарушений «для пользы дела».

Иногда совмещение мотива с непосредственной целью преступления настолько тесное, что личностный смысл содеянного, на первый взгляд, как бы исчезает вообще: преступление совершается исключительно ради преступления. 18-летний психически здоровый человек вооружился ружьем и отправился в лес охотиться... на людей. Долго выслеживал жертву. Встретил мужчину, но стрелять не стал. А молодого человека, который был с девушкой, застрелил. Вразумительно объяснить мотивы убийства не смог: «Да так, дикость какая-то нашла, хотелось испытать что-то такое... необыкновенное, острое, чтобы тебя испугались... Зря я все это затеял» [2]. Личностный смысл подобных «немотивированных» посягательств может быть установлен посредством углубленного психологического анализа личности и условий ее формирования с применением специальных методик. Смещение мотива на цель характерно, например, для злого хулиганства [3, с. 94].

Второе из рассматриваемых последствий сдвига мотива на цель состоит в том, что отдельное действие — элемент деятельности — приобретает самостоятельное значение и превращается в самостоятельную деятельность. Цель такого действия становится целью-мотивом новой деятельности. Группа подростков, среди которых был и В., в течение длительного времени занималась угоном совхозных лошадей, «чтобы покататься». Однажды угнали вместе с лошадьми и повозку с грузом, который продали. После этого В. со своим приятелем совершил в течение года двадцать краж государственного и личного имущества.

Сдвиг мотива на цель отдельного действия может произойти в процессе не только противоправного, но и правомерного поведения. Человек делает свою работу — иногда хорошо, иногда плохо, но в целом добросовестно. Но однажды, поддавшись соблазну или же давлению со стороны заинтересованных лиц, совершает приписку в документе государственной отчетности, надеясь в первый же отчетный период восстановить фактический показатель. Но получил премию, приписка не была обнаружена. В следующий раз происходит то же самое и возникает преступная деятельность, связанная с приписками и хищением. Так, по-видимому, происходит падение многих в прошлом честных людей, оказавшихся впоследствии на скамье подсудимых. Директор краеведческого музея С. многие годы пользовался хорошей репутацией. Но однажды не оформил надлежащим образом поступивший от коллекционера дар. Следствием было установлено, что за два года С. таким образом присвоил и реализовал произведения искусства на сумму 53 тыс. рублей.

Третий вариант, определяющий социально-психологические последствия сдвига мотива на цель, состоит в переходе от преступной деятельности к правомерной. Преступная деятельность не отделима от других видов человеческого поведения. Человек — су-

щество полидеятельностное. Реализуя преступную цель, виновное лицо неизбежно совершает множество поступков, различным образом связанных с его преступной деятельностью, но уголовным законом не предусмотренных. Какой-то из них является переломным для человека, и преступная деятельность прекращается. Например, осужденный, бежавший из места лишения свободы, завладевает паспортом умершего человека и под чужим именем устраивается на работу в отдаленном районе страны. При этом он рассчитывает переждать определенное время, а затем приняться за старое. Но работа, здоровый трудовой коллектив и образовавшаяся семья оказали на него положительное воздействие, и он явился с повинной.

Изменение мотива преступной деятельности в результате смещения его на правомерную цель действия не происходит автоматически. Ему предшествует внутренняя нравственная перестройка личности, зачастую неосознаваемая. В одном из рассказов Г. А. Медынского есть интересный эпизод: «Профессиональный вор приехал в город, чтобы что-то украсть. Сидит на вокзале, рядом женщина с ребенком. Потом она просит: «Мне с ребенком надо в туалет, посмотрите, пожалуйста, за моими вещами». И вот, — пишет он мне, — я, как дурак, сижу и караулю ее чемодан, который я хотел украсть. Что это? Волшебная нить добра и совести! Значит, она есть все-таки, совесть, под всей грязью и мерзостью жизни, неубиенная!» [7, с. 250—251].

Выявленные А. Н. Леонтьевым психологические закономерности перемещения мотива на цель действий используются в исправительно-трудовой педагогике. Метод воспитания доверием, успешно применявшийся А. С. Макаренко, основан, в сущности, на превращении ближайшей социально полезной цели в мотив деятельности. Осужденный вступает в секцию профилактики правонарушений, посещает среднюю школу, рассчитывая на различные режимные льготы, на условно-досрочное освобождение. Это еще не общественная и не учебная деятельность. Пока речь может идти лишь об адаптивной активности. Со временем, однако, появляется интерес к изучаемым в школе предметам, возникает отрицательная реакция на действия нарушителей порядка. Чисто приспособленческие действия становятся познавательной и общественной деятельностью. Аналогичные сдвиги мотивов происходят и в процессе труда осужденных в ИТУ. Представляется, что вводимый в порядке эксперимента порядок зачета рабочих дней при определении срока отбывания лишения свободы явится еще одним стимулом трудового перевоспитания осужденных.

Следует отметить, что сдвиг мотива на цель — не единственная форма изменения структуры преступной деятельности. Важное криминологическое значение имеет и осознание ее мотива. Ученые-психологи утверждают, что подлинные мотивы поведения обычно не осознаются действующим лицом. Преступник редко задумывается о том, *ради чего* он решается на преступление, вы-

года от которого ничтожна по сравнению с риском ответственности. Люди склонны приукрашивать свои побуждения и добросовестно заблуждаться на этот счет.

Осознание мотива превращает его в цель. Другими словами, мотив одновременно становится и целью. А. Н. Леонтьев писал: «Генетически исходным для человеческой деятельности является несовпадение мотива и цели. Напротив, их совпадение есть вторичное явление: либо результат приобретения целью самостоятельной побудительной силы, либо результат осознания мотивов, превращающего их в *мотивы-цели*» [6, с. 201]. Осознание мотива и превращение его в цель преступной деятельности делают поведение правонарушителя более целеустремленным. Нравственные и правовые последствия могут быть двоякого рода. Осознание истинных побуждений устраняет из сознания так называемые «защитные мотивы», с помощью которых вытеснялась мысль о безнравственности поступков. Такое саморазоблачение помогает лицу отказаться от продолжения преступной деятельности. Но, с другой стороны, осознание антиобщественных устремлений может означать вполне сознательное проявление эгоизма. В целом все зависит от личности и конкретных обстоятельств поведения.

Длительная преступная деятельность приводит к социальному и психологическому отчуждению личности. Последнее влечет за собой трансформацию одного и того же мотива, например корыстного. Так, первые кражи подросток совершил под влиянием «друзей» ради приобретения «авторитета», а через много лет неоднократно судимый бродяга ворует уже с целью пропитания.

Правильная этическая и правовая оценка деятельности невозможна без адекватного познания ее мотивов. Очень важно также помочь виновному лицу понять его истинные побуждения. Психологические исследования свидетельствуют о типично завышенной самооценке и самооправдании большинства осужденных [8, с. 78]. Разрушение такого рода иллюзий и честный анализ мотивов преступного поведения — необходимая предпосылка исправления.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 2. Амлинский В. Непростые истории // Лит. газ. 1983. 9 февр. 3. Данышин И. Н. Ответственность за хулиганство по советскому уголовному праву. Х., 1971. 4. Зелинский А. Ф. Понятие «преступная деятельность» // Сов. гос-во и право. 1978. № 10. 5. Конопкин О. А. Психологические механизмы регуляции деятельности. М., 1980. 6. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1977. 7. Медынский Г. А. Ступени жизни. М., 1981. 8. Ратинов А. Р., Константинов Н. Я., Собчик Е. М. Самооправдание преступников // Личность преступника как объект психологического исследования. М., 1979. 9. Хеккаузен Х. Мотивация и деятельность. М., 1986. Т. 1. 10. Аргументы и факты.

Поступила в редколлегию 30.03.88